

Что такое любовь?

К 85-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ГЮИ ДЕ МОПАССАНА

ИОГАН АЛЬТМАН

«Что такое любовь?» Ветерок, шепчущий в розах; нет, золотое свечение крови... Она может погубить человека, вознести и снова заклеить его. Она может сегодня обратиться ко мне, завтра к тебе, а ночью к нему — так она непостоянна. Но она может также держать крепко, словно несокрушимая печать, и пылать неугасимо до самого смертного часа, — так вечна она.

«Что же такое любовь?»
И любовь стала первоисточницей и властелинницей мира. Но все пути ее полны цветов и крови, цветов и крови...

Так писал Кнут Гамсун в «Виктории». Это было давно. Скандинавский писатель там, далеко, у фиордов, в отличие от Мопассана создавал себе иллюзию любви. Иллюзию любви, основанную на патриархальных отношениях. Мопассан тоже создавал себе немало иллюзий. Только насчет любви он не строил более иллюзий.

Пшибышевский, чье специфическое понимание любви сыграло в свое время достаточно отрицательную роль, бросил крылатую фразу: «Ось всей жизни — любовь и смерть». Как смерть может быть осью жизни? Неизвестно. Метафизическое мышление всегда связывало любовь со смертью.

Эта библейская «печать», это «неугасимое пламя», весь лексикон из Суламифи вошел прочно в мировую поэзию.

Данте переключался с Гете, Катулл — с Оскар Уайльдом, Апулей — с Пушкиным.

«Сильна как смерть» — так озаглавил Мопассан один из своих значительнейших романов (1889 г.)¹. Этот роман, впрочем, как и другие, так же, как и ряд повелл, дал возможность укрепиться предрассудку, что центральной темой, основным мотивом творчества писателя была любовь.

Л. Н. Толстой, чьему перу принадлежит очень умная, но абсолютно неверная статья о Мопассане, рассказывает, как он заинтересовался этим выдающимся писателем. Вся статья Толстого основана на его этической доктрине, уже развернутой и «достаточно обоснованной» в то время (1894 г.). Толстой обвиняет Мопассана в отсутствии морального критерия. Мопассан не обладал, по мнению Толстого, знанием различия между добром и злом. Вот чрезвычайно важный, центральный тезис Толстого:

«Он любил и изображал то, чего не надо было любить и изображать, и не любил и не изображал того, что надо было любить и изображать».

Эта типичная по построению толстовская фраза — типичная мысль Толстого-моралиста.

Верно ли это обвинение? Даже если брать «нравственность» в понимании Толстого, то и тогда Мопассан — очень нравственный писатель. Когда он срывает покрывало святости с богов, с религии, церкви, когда он рисует несутанта, доминиканца или другого попа; когда он раскрывает черные коробки людей и обнажает их мысли; когда он раскрывает их сердца и обнаруживает их чувства; когда Мопассан, как добросовестный психолог, физиолог, анатом и художник анализирует мельчайшие движения мыслей и чувств, он «срывает покрывало» современного буржуазного общества и этим самым, выражаясь словами Толстого, делает большое нравственное дело.

Далекий от слепого натурализма и часто в своем страстном желании постигнуть тайну человека, тайну бытия, Мопассан иногда переходит границы реальности, оказываясь по ту сторону опыта и разума, в царстве незримых духов, страха и ужаса одиночества («Доктор Иракий Глос», «Волосы», «Рука», «Ночь», «Прогудка», «Сумасшедший», «Видение», «Самодубия», «Он?», «Кто знает», «Орла» и др.). Здесь начинается трагедия Мопассана...

И когда нам говорить, что Мопассан писал о любви, хочется ответить: он не писал о любви.

Если считать проституцию любовью, так он писал о ней.

Если считать адюльтер или встречи с молодой девушкой, которую обманывают, чтобы бросить в беде, — любовью, так он писал о ней.

Если считать куплю-продажу богатых невест и титулованных женихов любовью, так он писал о ней.

Мы знаем у Мопассана всего 10—15 повелл, где рассказывается о любви настоящей, «до гроба», поднимающей и просветляющей любви, и почти во всех случаях люди либо убежали на край света, либо умирали, либо в мучениях сжигали в себе неудовлетворенное и невысказанное чувство («Плетельщица»).

Мопассан безжалостно разрушил все иллюзии насчет любви в буржуазном обществе. Он сказал, что в буржуазном обществе нет любви. Возьмите его повеллы об отцах и детях — «Дюну», «Сын», «Пожинутый» — это тема об исчезновении чувства отцовства, об омерзительном отношении родителей к своим детям.

В одном случае барон убегает от своего многодетного сына, к которому он прехал, чтобы украдкой посмотреть на него. В другом случае ученый академик встречается с сыном-идиотом, плодом насилия над одной служанкой в молодости. Сын рос без отца и матери. Академик писал книги, а в деревне у него рос сын — беспризорный кретин. В третьем случае родители приезжают в деревню к сыну через 40 лет, чтобы увидеть его утомленным и разбитым после тяжелой работы. И почтенная старуха, графиня де Кадур, должна слу-

шать сухой ответ ее старого любовника, отца ее сына, барона Д'Апревала: «Я сделал все, что мог. Его ферма стоит 80.000 франков».

«Порт» и «Отшельник». В первом рассказе брат-матрос узнает от проститутки, к которой он пришел, что она — его сестра; в другом старик узнает, что он — отец молодой девушки, у которой он ночевал, как «гость», за плату².

«Шкаф», «Одиссея проститутки» — это жуткие рассказы о гнуснейшем биче буржуазного общества. А «Ивет-

лит. газета. — 1935. — № 48.

Гюи де Мопассан.

та» — повесть о «рождении» куртизанки, баронессе де Гранжри и маркизе де Ронду («По секрету», «Спасение», «Кивок головой»). Это — «Брак приличия», отмечаемый Энгельсом.

Достаточно прочесть повеллы «У постели», «Встреча», роман «Монт-Ориоль» и др., чтобы понять фиктивность многих браков в буржуазном обществе.

Нарушение супружеской верности, адюльтер, проституция, забвение детей — со всем этим мирится буржуазное общество, оно против этого бесстрастно борется. Единственно, что остается, это заботиться о сохранности фамильной собственности. Нарушения этого закона общество не допускает. «Параграф 312 кодекса Наполеона для разрешения этой неразрешимой задачи (кто отец ребенка) постановляет: l'enfant consu pendant le mariage a pour père le mari — отцом ребенка, рожденного в браке, считается муж»...

Три произведения Мопассана о большой силе рисуют перипетии борьбы за наследство, «отношения между детьми и родителями, возникающие на материально-денежной основе»: «Пьер и Жан», «Наследство», «Завещание». Во всех трех произведениях коллизия возникает на почве завещания. В первом случае семья распадается. Во втором приглашается «заместитель», для того чтобы заполучить ребенка и вместе с ним, согласно завещанию тетки — ее миллионы. В третьем случае сын переходит от одного отца к другому вместе с состоянием, согласно завещанию матери.

Так что такое любовь?.. Может быть, спокойное семейное счастье? Мопассан показал неизлечимую скуку этих ограниченных семей. Может быть, случайная встреча? Мопассан показал это во многих повеллах, из коих наиболее яркая — «Парижское приключение»: барынька узнает, что прославленный писатель так же скуден в любви, как ее провинциальный муж...

Та же что такое любовь?... Мопассан в некоторых повеллах показывает, что подлинное счастье не может быть достигнуто только физическим сближением. Физическая любовь — очень многое, и она бывает иногда очень яркой и продолжительной, но страсть — еще не любовь («Шпилька» и др.).

Или роман «Пьер и Жан», где «благочестивый» любовник передает наследство сыну и разрушает семью рантье. «Собственность и забота о ней» — это источник многих трагедий в буржуазном и феодальном обществе.

С) Что же касается воспитания детей, то такие рассказы, как «Мосье Паран», «Малютка», «Отцеубийца», «Отец», «Исповедь», «Мать уродов», «Оливковая роща», достаточно красноречиво говорят и об этом. От детей бегут. Дети — объект эксплуатации. Дети — источник мучения. Светлое пятно на черном фоне — это семьи простых людей, не угнетенных человеческий облик, и люди труда. Кузнец усыновляет чужого сына («Папа Симона»). Фермер усыновляет чужого сына («История служанки») и др.

Распад семьи. Сколько ханжеских слов было произнесено по поводу семьи. Сколько книг написано для поддержания этого института. Энгельс, раскрывший экономическую базу этой основной ячейки общества, основанного на частной собственности, показал, как с исчезновением частной собственности и установлением бесклассового общества исчезнет и этот институт и наступит время подлинно человеческих, прозрачных отношений, настоящей любви, не затемненной товаро-денежным fetichem, время новых, чистых, челове-

ских, а не скотских отношений. А пока в буржуазном государстве на общественной арене существуют две «характерные фигуры»: «свадебный жених и муж-рогоносец. Мужчина победил женщину, но побежденная великодушно увещала победителя» (Энгельс).

«Болезнь Андре», «Задвижка», «Драгоценности», «Награжден орденом» и другие рассказы могли бы прекрасно иллюстрировать приведенное замечание Энгельса. Чего стоит эта маленькая серия рассказов о двух

«Сильна как смерть» показывает, что проблема любви неразрывна с проблемой жизни, деятельности, творчества человека. Только тот может говорить о настоящей любви, у кого она освещена отгнем настоящего творчества, живой человеческой деятельности. Мопассан, разоблачивший всю гниль и мерзость буржуазной морали, буржуазных форм «любви», по существу не написал ни одного произведения о настоящей человеческой любви. Почему? Он не нашел ее в своем обществе.

Прочтите «Лунный свет» и вы поймете всю невыразимую тоску Мопассана. Он был слишком честным художником, чтобы опознать, воследить пошлость буржуазно-аристократической любви, как это сделали д'Аннунцио, и, под видом критики, Пшибышевский, Ницше. Он был слишком принципиальным, чтобы за остатками патриархальщины не заметить пошлой любви мелкого буржуа, рантье и др. Он был слишком чутким, чтобы воспеть нерасцветающую в буржуазном обществе любовь людей, чья мысль вечно занята заботами о куске хлеба. Завота иссушает, — заметил Гете. Вечная забота о куске хлеба не может быть основой для расцвета любви. И уж ни в коем случае она не имеет места в буржуазном «свете».

Наша молодежь счастлива уже одним тем, что ей даны не только абсолютно все возможности умственного и физического развития, что она не знает экономического, религиозного гнета, но и тем, что ее не давит буржуазная мораль.

Новый, социалистический быт, социалистическая этика, укрепляющая новую семью, сотрудничество, любовь, уважение, преданность любящих и понимающих друг друга людей помогают создать чистые истинно человеческие отношения любви и дружбы. Наша этика исключает всякое бесчестие. Она исключает обман и неискренность. Она исключает угнетение одного другим. Но это не абстрактно-догматическая этика, а мораль рождающегося бесклассового общества. Честь, доблесть, правда существуют ныне только в лагере социализма.

Мы видели, что не любовь была центральной темой творчества Мопассана. Что же занимало его? Его занимали многочисленные вопросы личного и общественного неустойчивости мелкого человека третьей республики. Его занимала судьба «среднего человека». Его мучила тревога за всех этих мелких буржуа, чиновников, ремесленников, фермеров, мелких рантье, чьи жизненные интересы ограничены узким семейным кругом, интересами еды, сна, отдыха, интересами своей жены, своей любовницы, своего ребенка (официально своего, согласно пункту закона), своего палисадника, своей квартиры, своей фермы, своего департамента, своей мастерской, своего магазина.

У Мопассана хватило творческих сил, глубины проникновения в сущность современного общества, чтобы показать вырождение и гнилость буржуазного строя. Но у него, у этого последнего блестящего представителя французского классического реализма, не хватало социального понимания проблем, чтобы оделать практические и логические выводы в понятие, куда идет движение современного буржуазного общества. Он заметил и нарисовал элементы гибели и распада. Но он не понял, что это не гибель и распад общества вообще, а гибель и распад буржуазного общества и процесс зарождения нового, социального строя.

Трагедия многих писателей прошлого заключалась в том, что, будучи неудовлетворенными общественными отношениями своего времени, они не видели возможности изменить жизнь, не умели предвидеть ход общественного развития, не могли себе нарисовать образ будущего человека и будущего общественного строя.

Больше всего испытывал эту трагедию Мопассан.

¹ Известное место из «Песни песней» Соломона: «Положи меня, как печать, к сердцу твоему, как печать к руке твоей... Сильна, как смерть, любовь, жестока, как могила, ревность. Стрелы ее — стрелы огненные». Отцы церкви много сделали для превращения этой песни любви, этой древней пасторали в «божественное сочинение». Они поместили прелестную Суламифь и нежную Руфь между «повестью о многострадальном Наве» и «плачем Иереми». Помните о греховности любви...

² «Франсуаза» Толстого не столько перевод «Порта», сколько художественное сотрудничество двух мастеров. Толстой значительно ближе к Мопассану, чем он думал.

³ Мы можем еще раз увидеть, из каких славных источников идет идея «Заместителей» по деторождению, осуществляемая немецкими фашистами. Их идейный учитель не Фридрих Вельдиг и не древний бог Вotan. Над ними витает дух маленького чиновника Кашлена, героя повести «Наследство». Не знал бедняка, что его частная идея будет осуществлена в «третьей империи», по ту сторону Рейна.